

Неоязычество

Еще совсем недавно фольклористы и этнографы отправлялись в глухие углы России в поисках остатков языческих ритуалов и верований и, как дети, радовались, когда им удавалось найти что-нибудь интересненькое. Казалось, тяжелая поступь прогресса вкупе с коммунистической идеологией искоренили последние древние суеверия. То, что православным миссионерам не удавалось в течение многих веков, большевики проделали за несколько десятилетий. Правда, заодно они избавились и от самих миссионеров, а секуляризованное язычество вырвалось на поверхность культуры. Большевистские кумирни и капища заполонили Россию.

Не удивительно, что такая победа оказалась непродолжительной. Если вы откроете сейчас рубрику объявлений в любой газете, вы найдете массу предложений снять сглаз, отвести порчу, изготовить любовное зелье и т. д. и т. п. Если вы не слишком доверяетесь отечественному ведовству, в вашем распоряжении обширные ресурсы импортного язычества — кельтского, германского, африканского. Кроме колдунов-одиночек есть и целые организации языческого толка, представляющие самые разные взгляды от крутого славянского расизма до древних британских мифов, которые с удовольствием разыгрывают на отечественном пленэре юные толкиенисты. Единственное, что первых роднит со вторыми, — трепетное отношение к природе. Наличие у поклонников Перуна и Ярилы радикального экологизма, который у нас обычно ассоциируется с космополитическим "Гринписом", даже вызывает недоумение у некоторых российских социологов религии¹.

Например, по данным социолога Татьяны Варзановой, неоязыческие пристрастия в гораздо большей степени характерны для молодежи, чем для людей в возрасте. В колдовство, порчу и дурной глаз верят 62,7 процента россиян в возрасте от 18 до 24 лет и лишь 31,4 процента людей старше 55 лет. Вот вам и суеверные старички и здравомыслящая молодежь!²

Как же разобраться в столь разнородном и противоречивом, на первый взгляд, явлении? Возникает впечатление, что некоторые его компоненты и вовсе не связаны друг с другом.словно идешь по какой-то гигантской выставке и смотришь на все новые и новые произведения, силясь понять, какая идея заставила неведомых организаторов объединить все это на едином выставочном пространстве. Давайте пройдемся по залам и присмотримся к полотнам. По крайней мере к тем из них, что сразу бросаются в глаза. И так, "картинки с выставки"...

Навыи чары

В позапрошлом году я стал замечать в вагонах метро одну любопытную рекламу. В ней говорилось о том, что истинные арийцы должны объединиться под эгидой Церкви Нави и совместными усилиями приблизить эру белого человека. Этнолог Виктор Шнирельман, который уже несколько лет изучает фашизоидные организации неоязыческого толка на необъятных просторах бывшего СССР, поделился со мною сведениями о таинственной церкви белого человека. Создана она была в 1996 году недоучившимся студентом Московской юридической академии Ильей Лазаренко, причем при весьма любопытных обстоятельствах. Лазаренко был арестован за разжигание национальной розни и, находясь в предварительном заключении, возглавил новую церковь. Мне это чем-то напомнило попытки нашего криминалитета прорваться в Думу, дабы обезопасить себя от судебных разбирательств. Лазаренко же решил окружить себя

¹ Щипков Александр. Во что верит Россия? СПб., 1998, стр. 142.

² Варзанова Татьяна. Во что верят россияне. — "НГ-Религии", 1997, № 2.

аурой духовного иммунитета, как бы переводя свою неподсудность из юридического в метафизический план.

Члены новой церкви поклоняются двум древнеславянским божествам — Яви и Нави (воплощение смерти). Среди сакральных символов церкви — свастика, новгородский крест, древнегерманские руны, череп барана. Этот германо-славянский синтез заявлен как нордическое славянское откровение, данное исключительно белому человеку покровителем скота богом Велесом. Последнему по аналогии с Христом придан статус богочеловека.

Члены церкви должны твердо следовать принципу сегрегации, выдержанному в классическом ку-клукс-клановском духе, и общаться лишь с представителями белой расы. Но если ку-клукс-клановцы прославились в свое время не только убийствами чернокожих, но и насилиями над их женами, члены Церкви Нави не должны вступать в половую связь с нерусскими. По этому параметру наши борцы за чистоту расы обошли слишком либеральных алабамцев и техасцев.

Известно, что члены церкви празднуют день рождения Гитлера, но признавать себя фашистами не желают. Статистических данных по церкви нет (посмотрел бы я на статистика, который отважится их собрать), но очевидно, что под навьи чары подпадает в основном молодежь. Замечу в скобках, что с одноименным романом Федора Сологуба это не имеет ничего общего, хотя с позиции фрейдизма, конечно, имеет (тяга к смерти). Но вряд ли кому-нибудь из быстро множасьегося племени российских фрейдистов удастся уложить члена Церкви Нави на "еврейскую" психоаналитическую кушетку.

Анастасия

Среди потока неоязыческой литературы, обрушившейся в последние годы на прилавки наших книжных магазинов, вначале доминировали книжки переводные. Отмечу попутно, что переведены они были на скорую руку, явно людьми не слишком грамотными. Если учесть, что и сами по себе тексты эти довольно путаные, при таком переводе они теряли остатки смысла. Сейчас качество переводов улучшилось, а главное, умножилось число текстов отечественных.

Мое внимание привлекла серия книг "Анастасия", написанная неким Владимиром Мегре. Вначале я решил, что знаменитый персонаж Сименона срочно сменил национальность и начал строчить детективы под Маринину, но Анастасия оказалась не бойким следователем, а сибирской колдуньей. Впрочем, оставаясь при этом вполне современной женщиной.

С одной стороны, она круглый год разгуливает нагишом по лесам, впитывая в себя божественную энергию природы, с другой — занимается изобретательством в области охраны окружающей среды. Придумала, например, приспособление для очистки выхлопных газов в виде двух коробочек с дырочками, которые вешают на задний и передний бамперы автомобиля, — простенько и со вкусом. Не чужда она и компьютерам: современная колдунья без компьютера — это все равно, что ее историческая предшественница без ступы и метлы. Новейшие сведения о последних технических достижениях Анастасия черпает непосредственно из первоисточника — от космических пришельцев. При этом не очень-то им уступая — когда их тарелочка сломалась, она помогла ее починить. Знай наших!

Но все же главное в деятельности Анастасии (по мужу, вероятно, Мегре?) — это не содействие прогрессу, а как раз напротив — возвращение на лоно природы и оздоровление в этом лоне по полной программе. Летом члены Центра духовного общения Анастасия выезжают в Геленджикскую бухту и валяются нагишом на теплом черноморском суглинке, купаются в водопадах, совершают пешие переходы по горам и лесам. То есть продолжают здоровую традицию советских турпоходов, но уже на новом, метафизическом уровне. Одним из самых важных ритуалов является поклонение

мегалитическим сооружениям — дольменам, которые, по мнению членов Центра духовного общения, испускают целительную духовную силу. В мифе современных камнепоклонников дольмены — это места вечного обитания древних мудрецов, которые замуровывали себя там заживо, дабы их мудрость могла послужить на благо человечества.

Итак, экологические и феминистские заботы (женщины в движении доминируют) сплелись под лидерством Анастасии с мечтой о непоколебимом природном здоровье, которое в России традиционно ассоциируется с Сибирью. Правда, ездить за ним предпочитают все же в Геленджик. Что же касается "духовного общения", то в предлагающем его Центре оно, как мы видим, происходит с камнями.

Приключения мифов

Помнится, в советские еще времена читал вслух дочкам знаменитую трилогию Толкиена "Властелин колец", имевшую хождение в самиздате. Причудливо воссозданный англосаксонский миф совершенно покорила старшей, а младшую немного напугал. Потом на даче они с удовольствием изображали эльфов, гоблинов и хоббитов.

Прошло немало лет. Один из моих студентов сделал на семинаре доклад о движении толкиенистов. Летом молодежь выезжает на пленэр, где, прямо-таки как в пионерской игре "Зарница", в которой без большого энтузиазма участвовало мое поколение, делится на отряды и лупит друг друга деревянными мечами, облачившись в картонные доспехи. В отличие от нас делают они это добровольно, а потому с большим удовольствием. У ребят, живущих по Толкиену, на передний план выходят космогонические элементы толкиенского мифа, которые содержатся в не опубликованном при жизни автора "Сильмариллионе". Миф обретает онтологическую завершенность, что позволяет поселиться в нем надолго и основательно. Среди толкиенистов преобладают христианские настроения, характерные и для самого писателя, но порой раздаются и фашизоидные ноты, которые у Толкиена различить практически невозможно, разве что если очень захотеть. Видимо, у подобных интерпретаторов дает себя знать подростковая агрессивность.

...На следующий семинар мой студент попросил разрешения привести своих знакомцев, для которых толкиенский миф был пресноват, и они создали собственный неоязыческий синтез, с которым и решили ознакомить студенческую общественность. Задуманный синтез носил звучное название Демонолатрия и представлял собой вольную компиляцию идей знаменитого британского черного мага Алистера Кроули и ряда оккультных элементов. Все это было где-то на границе (надо сказать, весьма зыбкой) неоязычества и оккультизма. Отцом основателем своей традиции они числили Каина, демонов же считали существами высшими и более разумными, чем люди. Поэтому управлять ими было нельзя, но взаимодействовать с ними можно.

— А на каких началах вы с ними взаимодействуете? — спросил я, намекая на то, что в буквальном переводе "демонолатрия" — это поклонение демонам.

— На паритетных, — с достоинством отвечали молодые люди.

— Но они же сильнее вас, не командуют?

— Нет, они хорошие.

Памятуя о половых подвигах Краули, я рискнул задать несколько вопросов об использовании сексуальной магии. Да, отвечали юноши, используем. На дальнейшие расспросы я, признаться, не решился, но, размышляя над рискованными трансформациями мифологического материала в молодом сознании, вспомнил историю, рассказанную мне недавно одним коллегой.

В советские еще времена в Институт этнографии к одному из ведущих специалистов по североамериканским индейцам приходили юноши, которые, подобно многим отпрыскам дореволюционных семей, играли в краснокожих. Они приходили консультироваться по поводу формы томагавков и особенностей боевого раскраса. "Чтоб

в Матагордовом Ущелье / заснуть на огненных камнях / с лицом сухим от акварели, / с пером вороньим в волосах" (Владимир Набоков).

— Интересно, что с ними сейчас? — спросил я коллегу.

— Как что? — удивился он. — То, что и со всеми. Они теперь борются с мировым сионистским заговором.

— Надо же, — удивился я. — А ведь согласно мормонскому учению, индейцы— это древние евреи, покрасневшие от своих заблуждений.

— Вот вы им это и скажите, — посоветовал коллега.

Итак, современное российское язычество отвечает на самые разные, а иногда и трудносочетаемые запросы. Это и желание поваляться голышом среди священных камней, источающих магическую оздоровительную энергию, и охота порезвиться в картонных доспехах во славу "старой доброй Англии", мечта искоренить чуждый истинным славянам семитский дух, надежда улучшить мир с помощью сексуальной раскрепощенности, а вдобавок еще и потребность обеспечить государственную стабильность. Как известно, в Туве шаманизм объявлен государственной религией.

Не прибавляют ясности и православные миссионеры, которые порой заносят под рубрику неоязычества практически все, что не является христианством. Тогда под одной крышей с поклонниками кельтского ведовства и блюстителями расовой чистоты славянства оказываются и сторонники тибетских махатм, и даже отечественные кришнаиты.

...Попытаемся разобраться в том, где и как возникло неоязычество и какие обстоятельства породили это явление. Когда мы локализуем его во времени и пространстве и проследим его историю, может быть, нам станет понятней и его удивительная переменчивость, даже противоречивость, а также невероятная живучесть. Небольшой экскурс в недавнее прошлое, быть может, позволит лучше понять и нынешнее неоязычество в России.

Мифы fin de siecle

"Век девятнадцатый, железный" на своем излете многих заставил усомниться в безусловном благе цивилизации. Все чаще раздаются голоса критиков прогресса — его неумолимая поступь подминает под себя человека. Техническая цивилизация превращает его в бездушную марионетку, подавляет естество, разрывает связь с природой, разрушает человеческие отношения, размывает национальную идентичность. Начинает вызывать сомнения и незыблемый авторитет главного двигателя прогресса — науки. У столь очарованного ею в юности Эрнеста Ренана к концу века (и собственной жизни) возникает все же одно сомнение: не лишила ли наука человечество тех иллюзий, которые необходимы для его дальнейшего развития? Ироничный Анатолий Франс идет дальше: "Мы отведали плодов с древа науки, и они оставили во рту привкус золы"³.

Новый смысл появляется у слова современный. Современный человек — это тот, кто прислушивается к голосу инстинкта и не боится заглядывать в бездну собственной иррациональности. При этом сохраняется и значение старое — современный человек рационален и крепко держится за науку и технику. Эти противоположные смыслы вступают порой в конфронтацию, но со временем примиряются, во всяком случае, уживаются.

Новое понимание современности восходит ко временам романтизма, противопоставившего просвещенческой объективности и рациональности пафос субъективности и эмоциональности. Но тогда настроения эти шли рука об руку с христианством. Для Ф. Шлейермахера христианство, а точнее, протестантизм — высшее выражение религиозного чувства. Однако к концу века христианство (и более всего протестантизм) начинают восприниматься как верные союзники буржуазной

³ Цит. по кн.: Baumer Franklin Le Van. Main Currents of Western Thought. New Haven, 1978, p. 467.

цивилизации, помогающие ей загнать индивида в рамки рассудочности и морализма. Но человек современный не может подчиниться подобному диктату. Он стремится освободиться от репрессивных механизмов цивилизации и ограничений традиционной религии, найти альтернативный мир, в котором мог бы существовать свободно и непротиворечиво. В поисках этого мира он и обращается к трем мифам — оккультному, ориенталистскому и неоязыческому.

Триада эта отнюдь не нова и восходит ко временам весьма отдаленным. Но если ренессансные и постренессансные мыслители обращались к ресурсам средневековой алхимии или магического Востока в поисках новой философии природы, которая способствовала становлению европейской науки, то интеллектуалы fin de siècle искали в них освобождения от диктата этой науки, заплутавшей в тупиках материализма. Но в процессе освобождения они вольно или невольно опирались на данные науки, преображая их в свете избранных мифов. Эта мифологизация и истолковывалась ими как чаемый синтез чувства и разума, духа и материи, науки и религии⁴.

Ренессансное обращение к этическим идеалам высокого язычества предполагало дополнить христианское смирение законной гордостью человека — венца творения. Если воспользоваться знаменитой державинской антиномией "я червь, — я Бог", ударение ставилось на втором ее члене. К концу же века девятнадцатого первый член убирался вовсе, но этот титанизм носил столь аффектированный характер, что заставлял заподозрить его носителей в безуспешно подавляемом комплексе неполноценности. Похоже, от христианской морали избавиться было не менее сложно, чем от постхристианской науки.

Язычество как безгрешность

Знаменитый американский поэт Уолт Уитмен писал в конце прошлого столетия:

Я бы жил среди животных, они безмятежны и ровны.

Я стою и гляжу на них не отрываясь.

Не потеют они и не плачут о том, как им плохо.

И не бодрствуют ночью, оплакивая прегрешения.

И не алчут они, и вещами владеть не желают.

Не унижены друг перед другом и теми,

Кто до них проживал на земле этой древней.

Добропорядочных нет среди них и несчастных.

На первый взгляд, эта идеализация природы и ее верных детей — животных напоминает руссоистский миф. Однако noble savage Руссо добр и благороден, потому что благородна и добра природа, не испорченная цивилизацией. Для Уитмена важно другое: природные существа не мучаются ощущением греховности, навязанным христианством современному человеку, который и потеряв веру в Бога сохраняет смутное чувство вины, порождающее невроз, депрессию и бессонницу. Они не подавлены ложными авторитетами, а потому стоят над моралью и не гонятся за фальшивыми благами цивилизации. Они здоровы, безмятежны и счастливы.

Таков языческий миф Уитмена, и одним из первых его проанализировал соотечественник и современник поэта, философ Уильям Джеймс: "Уитмена часто называют язычником. Сегодня это слово иногда обозначает естественного плотского человека, лишённого чувства греха, иногда же грека или римлянина с его особым религиозным сознанием. Но нашему поэту не подходят оба эти значения. Он более чем плотский человек, не вкусивший от древа добра и зла, и вполне отдает себе отчет в том, что такое грех. Иначе откуда в нем это подчеркнутое пренебрежение грехом и показная

---

⁴ Подробнее см.: Фаликов Б. Неиндуизм и западная культура. М., "Наука", 1994.

горделивость отсутствием переживаний по этому поводу. Ни то, ни другое вы никогда не увидите в истинном язычнике в первом из упомянутых значений этого слова"⁵.

Затем Джеймс убедительно демонстрирует, что нежелание Уитмена видеть зло мира ("совершенно то, что зовут добром, но и то, что злом зовут, совершенно") имеет мало общего и с высоким язычеством. Чтобы понять это, достаточно заглянуть в Гомера. Греки не закрывали глаза на зло и тем более не пытались с помощью умственных ухищрений выдать его за добро. И то и другое принималось как данность. Сегодня беда случилась с тобой, завтра она может настигнуть меня, главное — вести себя достойно. Примерно так утешает Ахилл юного сына Приама — Ликаона перед тем, как его убить. В имморализме Уитмена Джеймс чувствует надрыв и, как хороший психолог, понимает, что изнанка его — подавленное, но отнюдь не искорененное чувство греховности.

Но как бы ни обстояли дела в действительности, освобождение от гнетущего диктата общепринятой морали декларируется как важнейший компонент неоязыческого мифа. И в первую голову это касается морали сексуальной.

Аскона

В увлекательной, хотя и несколько крикливой книге гарвардского историка науки Роберта Нолла "Арийский Христос. Тайная Жизнь Карла Юнга" имеется одна любопытная фотография. На фоне дивного озера в предгорьях Альп группа людей, взявшись за руки, застыла в причудливых позах. Женщины помоложе частично обнажены, а одна — с явной примесью полинезийской крови (вспоминаются таитянки Гогена) — обнажена вовсе. Женщины постарше и единственный мужчина одеты в свободные хитоны. Это обитатели деревеньки Аскона, расположенной в итальянской Швейцарии, которая в начале века стала прибежищем тех представителей европейской богемы, которые искали спасения от цивилизации в неоязыческом мифе.

Миф этот уже достаточно оформился и, как ему и положено, требовал реализации в ритуале. Ведь чтобы миф работал по-настоящему, в нем следует жить не только умом, но и телом. Ритуал складывался из различных компонентов. Судя по фотографии, одним из них были дионисийские пляски на альпийских лугах.

Другой важной частью была полигамия. Считалось, что моногамия подавляет творческие импульсы личности. Речь пока не шла о коллективных оргиях, но полностью раскрепостившиеся наследники Асконы учуяли историческую преемственность. Недаром роман одного из частых гостей Асконы Германа Гессе "Степной волк" стал культовым в контркультурные шестидесятые.

В начале века ведущую роль все еще играли мужчины. Вокруг каждого Диониса водила хоровод группа вакханок — на это указывает и фотография. Одним из главных Дионисов Асконы был Отто Гросс. Свое время он явно опередил, такой тип личности стал встречаться более или менее часто только после сексуальной революции. Наркоман и психоаналитик, сам проходивший психоанализ у Юнга, он взорвал спокойную атмосферу гейдельбергского кружка Макса Вебера. У Гросса были романы с двумя женщинами из веберовского окружения, сестрами фон Рихтофен, одна из которых, Фрида, вышла впоследствии замуж за английского прозаика Д. Лоренса, автора известного романа "Любовник леди Чаттерлей". Дело языческого раскрепощения было подхвачено на британских островах.

Наблюдавшая за всем этим жена Вебера Марианна нашла в себе достаточно академической отстраненности, чтобы сформулировать философию Гросса следующим образом: "Сексуальность, на которой основывается всякая любовь, требует многостороннего удовлетворения. Моногамные ограничения "подавляют" естественные

---

⁵ Baumer William. The Varieties of Religious Experience. N. Y., 1958, p. 81.

влечения и ставят под угрозу эмоциональное здоровье. Поэтому прочь от оков, мешающих человеку осуществиться в новых опытах; свободная любовь спасает мир"⁶.

В этой программе слышатся отзвуки Фрейда, верным учеником которого был Гросс, пока он не напугал вполне моногамного учителя своим экстремизмом. Но основной импульс исходил все же от теорий немецких историков, которые предполагали у первобытных людей смену различных форм общественного и семейного устройства. Один из них, Баховен (повлиявший, кстати, на Энгельса), считал, что за теллурическим периодом беспорядочного промискуитета последовали матриархат и полиандрия, а затем патриархат и полигамия. Все они коррелировались с соответствующими религиозными верованиями (матриархат, к примеру, с почитанием Матери-Земли). Сейчас эти теории устарели, но в прошлом веке считались вполне научными.

Опираясь на них и на геккелевский эволюционизм, Гросс и его асконские единомышленники пришли к выводу, что сексуальное поведение современного человека лишь поверхностно адаптировалось к требованиям буржуазной морали. Но даже такая адаптация вредна, поскольку ограничивает проявления жизненной энергии (секс — ее важнейший компонент) культурными и этическими условностями. Возвращение к сексуальному поведению языческих предков (которое было сакрализовано) высвободит эту энергию, вернет человеку духовное здоровье. Короче, священный секс спасет человечество.

Так элементы гуманитарных и естественных наук входили в неоязыческий миф и, подчиняясь его логике, сами становились мифологемами.

Растворение в природе

К концу прошлого века усилились настроения, которые принято называть мистицизмом природы. Это было вполне понятно. Жители городов начинали уставать от издержек урбанизации и с удовольствием предавались общению с природой. У самых толстокожих это было связано лишь с заботой о здоровье. Нормальней и естественней были возвышенные переживания, вызванные созерцанием природных красот. Иногда переживания эти вполне укладывались в рамки христианского миропонимания, и, глядя на мир Божий, люди возносили хвалу Творцу. Стойкие атеисты рассуждали о натуральной основе эстетических чувств. Но все чаще раздавались и другие голоса. Вот один из них: "Я никогда не терял сознания присутствия Бога, пока не оказался рядом с водопадом Подкова в Ниагаре. Я потерял Бога в огромности того, что увидел. Я потерял и себя, почувствовав, что слишком мал для того, чтобы меня заметил Всевышний"⁷.

Уильям Джеймс, который приводит это высказывание, комментирует его удивительно точно: "Большой Бог проглотил меньшего". И действительно, личный Бог как бы прячется в тени всеобъемлющего Бога природы.

Некоторым христианским мистикам было знакомо чувство божественной бездны, в которой терялся личный Бог (Gotheit Мейстера Экхарта), но они остерегались отождествлять ее с природой. Современный мистик уже не боится упреков в пантеизме и достаточно спокойно относится к тому, что вслед за личным Богом исчезает и его собственная личность. Тем более, что это еще можно объяснить себе как крайнее смирение. Но некоторые уже не нуждаются в таких объяснениях. Одна из корреспонденток Джеймса пишет: "В то время меня иногда посещало сознание близости Бога. Я говорю „Бог“, чтобы описать неопределимое. Я могла бы сказать „присутствие“, но это слово предполагает личность, тогда как что-то во мне заставляло меня чувствовать себя частью чего-то большего, чем я. И оно владело мной (курсив мой. — Б. Ф.). Я чувствовала единство с травой, деревьями, птицами, насекомыми, всем в природе. Я

⁶ Цит. по кн.: Нолл Ричард. Тайная жизнь Карла Юнга. Перевод В. Менжулина. Киев, 1998, стр. 118.

⁷ James William. Op. cit., p. 303.

радовалась самому факту существования, будучи частью всего этого — мелкого дождя, теней облаков, стволов деревьев и т. д."⁸.

Это ликующее пантеистическое чувство и было тем фундаментом, на котором возводилось обширное здание неоязыческого мифа. Романтический эмоционализм окончательно выплеснулся за пределы, очерченные ему Шлейермахером.

Почему это произошло? Христианский монотеизм требовал слишком мощного напряжения духовных сил, которое стало восприниматься как насилие над суверенным эго? Веселые духи природы, приглашая пройтись с ними в хороводе, помогали освободиться от викторианской суровости? Отсутствие живого мистического чувства в пустующих храмах заставляло искать его в храме природы? Так или иначе, к началу нынешнего столетия природа не только ожила, но и начала овладевать умами и телами многих просвещенных американцев и европейцев. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что великий Пан вовсе не умер.

Народные душа и тело

Желание потерять себя в природе шло рука об руку с еще более мощным импульсом раствориться в народе. Ведь прогресс отрывал городского жителя не только от природных, но и от народных корней. Космополитическая цивилизация наступала, границы национальной идентичности размывались. Особенно болезненно на это реагировали в двух европейских странах, где границы эти еще не успели толком сложиться, — в Германии и России. "Запаздывание" объяснялось по-разному. У немцев — слишком медленной интеграцией их земель в единое государство. Русские же никак не могли договориться о своем точном местоположении на шкале Восток — Запад.

Дискурс о народной душе (Volkseele) продолжался в обеих странах на протяжении всего девятнадцатого века. При этом и славянофилы, и немецкие романтики изначально отождествляли народную душу с христианством, но во второй половине века у некоторых их наследников возникла потребность апеллировать к более архаичным пластам народного сознания.

Впрочем, еще в 1814 году Э.-М. Арндт предложил в качестве одного из средств объединения немецкого народа отмечать древнегерманский праздник летнего солнцестояния. В начале нынешнего столетия в лесах под Мюнхеном уже совершались жертвоприношения коня громовержцу Тору и ритуалы поклонения солнцу, которое изображалось как арийский солярный символ — свастика.

Однако отказ от Христа произошел в германских неоязыческих кругах не сразу — вначале из него попытались сделать арийца.

Довольно активно этим занимался британец Х.-С. Чемберлен, который настолько глубоко осознал свои древнегерманские корни, что даже переселился на родину Вагнера и вошел в байрёйтский кружок (правда, уже после смерти композитора). Бердяев считал Чемберлена довольно культурным и тонким мыслителем, видимо сравнивая того с немецкими его последователями тридцатых годов, но попытки доказательства нееврейства Христа называл смехотворными⁹.

Вкратце они сводились к следующему. В личности Христа столько истинно арийского, что он просто не может быть евреем. В эллинизированной Галилее проживали и другие народы. То, что он проповедовал на арамейском, ничего не значит, раса прежде языка. Не об этом ли свидетельствует биологическая наука? Правда, к какой расе он принадлежал, навсегда останется тайной, но то, что не еврей, это точно.

В рассуждениях слышится знакомая линия на мифологизацию науки. По мнению некоторых тогдашних ученых, расовые различия предшествовали языковым. Вывод: раса выше культуры. Избежать этой логики "культурному мыслителю" Чемберлену не удалось.

⁸ James William. Op. cit., p. 303.

⁹ Бердяев Н. Судьба человека в современном мире. М., 1994, стр. 351.

В русле подобных размышлений лежит и другая немецкая мифологема того времени: Иисус не еврей, поскольку отец его был римским центурионом. Но она уже отказывает Спасителю в божественной природе.

Видимо, наиболее удачной попыткой германизации Христа следует считать оперы Вагнера, где новый миф творился более подходящими средствами. Недаром немецкие неоязычники так любили его оперу "Парсифаль". У них не вызывало сомнения, что чаша св. Грааля наполнена арийской кровью, ведь действие происходит на исконной германской почве.

Ну а те, кого все же мучили подозрения насчет чистоты этой крови, совершали истинно языческие обряды в Тевтобургском лесу, где древние германцы, по преданию, разгромили римские легионы. У них образ Христа окончательно вытеснялся образом обожествленного народа.

Русский Христос и русский Дионис

В России процесс протекал иначе. Поиски языческих корней народной души начались в Германии еще в начале прошлого века, славянофилы же продолжали отождествлять душу своего народа с православием. Немецкое народничество по преимуществу развивалось в религиозном ключе; русское же в большинстве своем двинулось по пути атеистическому. Язычество рассматривалось им как отжившее суеверие, православие тоже, но последнее еще и "скомпрометировало" себя союзом с самодержавием. Из двух зол народники были готовы выбрать меньшее и поэтому рассматривали русские народные секты, сохранившие в себе значительный элемент язычества, как потенциальных союзников. Но сами к неоязыческим реконструкциям не были склонны.

Немецкое религиозное народничество идейно обслуживало интеграцию немецких земель в единое государство. Поэтому этатистский иерархический дух был ему близок и мил. Русское народничество изначально складывалось в оппозиции к государственной автократии. Ему был милее эгалитаризм народной общины, которая и мыслилась как прототип идеального устройства общества. Антиэтатистские (в крайнем варианте — анархистские) настроения были для русских народников типичны.

Различался и взгляд на общество. Немцы были склонны рассматривать его как природное образование. Поэтому и перенесли на него с такой готовностью те законы, которые наука открывала в природе: борьбу видов, выживание сильнейших, подавление слабых. Социальный дарвинизм и стал одним из компонентов неоязыческого расизма. В России еще со времен славянофилов акцентировалась духовная природа общества, а стало быть, свобода человека и братство людей в любви.

Когда к началу века в России вновь усилились и религиозные и народнические настроения, востребованным оказалось наследие славянофилов. В неославянофильских кругах народ понимался как природно-душевное единство, преображаемое Духом. Народная душа, таким образом, соотносилась с Христом, а не только со своими природными языческими корнями. Попытки паганизации национального мифа в этом контексте (а они были) наткнулись на серьезные богословские препятствия.

Высокое же язычество рассматривалось скорее не как энергия архаического варварства, способная оживить русскую культуру, а как прививка тонкой, изоцированной культуры эллинизма к варварству русскому (Вячеслав Иванов).

Немцам пришлось реконструировать свое язычество на голом месте. Вероятно, Карл Юнг прав, рассуждая о том, что сравнительно поздняя христианизация немцев не была глубока и оставила в бессознательном слишком много от тевтонского варварства — иначе чем объяснить происшедшее? Но на уровне житейском миссионеры справились со своей задачей неплохо. Народ исправно посещал храмы и не бегал в лес поклоняться Вотану. Так что ритуалы пришлось восстанавливать по книжкам.

В России на рубеже веков крестьяне тоже вряд ли тайком почитали Перуна. Но в христианизированном виде сохранялись многие языческие пережитки, и при желании русский интеллигент мог с ними ознакомиться сразу за порогом усадьбы или дачи.

Однако в гораздо большей мере языческие элементы сохранились в русских сектах, особенно у хлыстов и скопцов, как на уровне мифа, так и ритуала. Это и шаманская техника экстаза (верчение, особое дыхание, использование сексуальности, ритмические распевцы и т. д.), и вера в переселение душ, и Мать-природа, воплощающаяся в хлыстовской богородице, и Христос, пребывающий как чистый дух в кормчем хлыстовского корабля. По русской земле ходило немало христов (вероятная этимология слова хлыст отсюда), с ними можно было запросто встретиться. А. Эткинд недавно попытался даже выстроить единый контекст русского религиозного народничества и сектантства и вставить в него Христа Тютчева и Блока и христа хлыстовского¹⁰.

Однако встреча с живым язычеством не только очаровывает, но и пугает. Эта амбивалентность хорошо видна на примере Андрея Белого. Когда Н. Бердяев пригласил его встретиться с сектантами в трактире, ставшем своеобразным дискуссионным религиозным клубом для простого люда ("Яма"), он отказался. Понадеялся на свою изумительную писательскую интуицию, вспоминает Бердяев, и она действительно его не подвела в "Серебряном голубе"¹¹. Но мне кажется, что еще и испугался, если вспомнить, в каком двойственном свете предстали у него язычники из народа в этом и правда великолепном романе.

Присутствие под рукой реальных языческих ритуалов освобождало и от необходимости выдумывать их с помощью умных книжек. В отличие от Германии, в России это случалось крайне редко. Странная история, приключившаяся в 1905 году в доме поэта Николая Минского, скорее исключение, подтверждающее правило. Еще при жизни ее участников она превратилась в легенду, и что там произошло на самом деле, одному Богу известно. Вроде бы кружились в хороводе, потом надрезали руку добровольной жертве, выдавили несколько капель в чашу с вином и пустили ее по кругу. Испив этой смеси, расцеловались и разошлись по домам. Все было почти пристойно. От дионисийства Асконы это было весьма далеко, поскольку заправлял всем Вячеслав Иванов, для которого религия "умирающего и воскресающего Бога" была частью культуры, а не ее отрицанием.

И правда, зачем было огород городить, когда при желании можно было принять участие в ритуале русского дионисийства (как называли хлыстовство Розанов и Бердяев) — радении. Хлысты приглашали, да вот соглашались только немногие. Два поэта, ушедшие в народные секты (Александр Добролюбов и Леонид Семенов), — исключение, подтверждающее правило. Судьба их сложилась по-разному. Добролюбов, по некоторым свидетельствам, закончил свою жизнь атеистом¹². Пантеистический натурализм эволюционировал в материалистический. Семенов вернулся в православие.

Большинство образованной публики, как и Андрея Белого, народный, вульгарный экстаз отпугивал. Требовалось его облагородить в интеллигентских ретортах. Одна такая попытка в России была, когда еще в начале прошлого века в великосветском кружке баронессы Екатерины Татариновой воспроизводили хлыстовские радения. Но вообще страх одолели только через полтора века, да и то не до конца и не в России...

Что касается поисков своего индоарийского прошлого, то они тоже проходили в России менее заметно, чем в Германии. Вначале, как и положено, это случилось в виде филологических штудий. Знаменитый критик и член Санкт-Петербургской академии наук Владимир Васильевич Стасов развивал теорию о близкой связи древнеиндийской и славянской культур, пытаясь обнаружить влияние "Махабхараты" на русский эпос¹³.

¹⁰ Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998, стр. 114, 376 — 381.

¹¹ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990, стр. 186.

¹² О А. Добролюбове см. также: Бердяев Н. Самопознание, стр. 282.

¹³ Стасов В. Происхождение русских былин. — "Вестник Европы", 1868, № 1 — 4.

Эти идеи были подхвачены рядом русских теософов, которые, впрочем, не пошли дальше коллекционирования предметов русского народного творчества, напоминавшего им о духовной родине — Индии. И только у Н. Рериха и его харизматической супруги идеи о едином индийско-славянском прошлом воплотились в обширный мифологический синтез, но окончательно это произошло уже за пределами отечества. Да и выводы, сделанные по поводу этого единства, кардинально отличались от арийского мифа немцев. Оно должно было стать зародышем единства всемирного. Роль общего знаменателя вновь отводилась культуре.

Таким образом, паганизации национального мифа в начале века в России в общем и целом не произошло. Этому помешало славянофильское наследие. Не заладилось и дело языческого раскрепощения. В контркультурных играх Серебряного века оказалось слишком много культуры.

"Под небом голубым есть город золотой..."

О чем же мечтали люди, попавшие на рубеже веков под обаяние неоязыческого мифа? Чего добивались они, водя дионисийские хороводы или жертвуя коня грозному Тору? Освобождение от гнета цивилизации — это пафос отрицания, но чтобы не вылиться в голый нигилизм (а такое, конечно, случилось), он должен был уравновеситься пафосом утверждения. Это и обретение духовного здоровья, и высвобождение творческой энергии, и осознание глубинного единства со своим народом. Но все это цели индивидуальные. Мощные мифы, которые в свое время преобразовывали целые культуры, распадаются теперь на многие осколки, овладевая отдельными людьми. Однако каждая мифологема сохраняет в себе память о прежней универсальности. Возвращение к древности должно преобразить не только личность, но и мир. В действие вступает механизм ретроутопии. Вариантов счастливого прошлого, которое станет не менее счастливым будущим, более чем достаточно.

Один заглядывает в прошлое своего народа, другой — чужого, но объединяет одно: неприязнь к настоящему, это и заставляет идеализировать прошлое. Греция, которую пытаются воспроизвести на альпийских лугах Асконы или в "башне" Вячеслава Иванова, — это уже не Греция, каким бы блестящим ее знатоком ни был тот же Иванов, а мифы о Греции, причем во многом разные.

Иванов, кстати, прекрасно отдавал себе в этом отчет и видел собственную писательскую роль в том, чтобы внедрить свой миф в современное больное сознание, где в будущем он дал бы спасительные всходы. Блестящую монографию "Дионис и прадионисийство" он заканчивает такой формулой теургического проекта: "Накануне, быть может, тех катаклизмов и омрачений духа... мы как бы торопимся сеять в духе народном грядущие всходы изящного просвещения и отстаивать в башенных кельях таинственные яды, долженствующие преобразить плоть и претворить кровь иных поколений"¹⁴.

Мечтателей подгоняет эпоха. Ожидания конца старого мира и наступления нового витают в воздухе, находя выражение не только в неоязыческом мифе, но и за его пределами — в христианских, оккультных, неоориенталистских кругах. Посещают они и умы атеистические, которые находят им вполне рациональные объяснения. Наверное, это тот стержень, вокруг которого кристаллизуется большинство мировоззрений начала века. Потому так легко и происходят переходы от революции социальной к революции духа, от теософии к православию, от поклонения Будде к почитанию Диониса. Или возникают новые синтезы. И чаще всего подобное привлекает подобное. Не было чистых неоязычников, оккультистов и необуддистов. Было, наверное, некое общее с весьма размытыми контурами пространство нового мифа, где личные мифологемы вступали в разные сочетания, а теперь раззадоренный автор тщетно пытается выделить чистые типы.

¹⁴ Иванов Вячеслав. Дионис и прадионисийство. СПб., "Алетейя", 1994, стр. 341.

Но вернемся к неоязычеству. Интеграция бессознательного варварства в сознание (воспользуемся юнгианской терминологией) — вещь небезопасная. Иногда оно может быть подпиткой в творчестве. Юнгианский анализ помог Герману Гессе, и не ему одному, в преодолении творческого кризиса. Но бывает и по-другому: сознание тонет в мощном выплеске бессознательного. Во времена Юнга это называли *dementia graeco*, сейчас в ходу другой термин: шизофрения.

Аналогичным образом сформулировал проблему возврата к архаическому сознанию и М. Бубер: "Тот, кто пытается осуществить это возвращение, заканчивает либо безумием, либо чистой литературой"¹⁵. То есть религиозным выходом это быть не может и в лучшем случае обслуживает лишь творческие нужды. Бывает, что творчество спасает даже зашедших в экспериментах над собой достаточно далеко. Но иногда и оно оказывалось бессильно...

Миф и идеология

Итак, неоязыческий миф оформлялся в западной культуре конца прошлого столетия как реакция на стремительное наступление технической цивилизации. Урбанизация толкала в объятия природы, мораль (как христианская, так и утилитарная) начинала восприниматься как механизм подавления, торжество рационализма заставляло вспомнить о примате чувств (и чувственности), размывание национальной идентичности толкало к ее древним (биологическим) корням.

Эпоха буржуазного благоденствия еще не наступила, а к ней уже предьявлялась масса претензий. Неоязычество возникало как один из вариантов удовлетворения этих претензий, но, как всякий миф, носило универсальный характер и было готово ответить на любой вопрос. Другое дело, что каждый извлекал из мифа то, что было ему по нраву. Предположим, человек решил раствориться в природе и стал нудистом, но это совсем не значило, что он будет сторонником полигамии или начнет совершать жертвоприношения в языческом капище, а тем более требовать изгнания семитского духа. Миф тем и отличается от идеологии, что его компоненты не имеют жестких связей, диктуемых рацио.

Отвечая на разнообразные запросы, порождаемые гнетом цивилизации, неоязычество продолжало говорить на ее языке, то есть языке современной науки и культуры. Не стоит забывать, что творцами мифа были люди, получившие образование (и неплохое) именно в той системе, от которой они собирались удрать. Поэтому бегство не могло состояться, напротив, неоязыческий миф помогал сосуществовать с немилой цивилизацией — как некий универсальный способ выпуска пара.

Это подметил в свое время Бердяев, рассуждая о духовных пристрастиях современного человека. "Человек этот согласен временами принять какую угодно религию, любую форму язычества, религию Вавилона и дионисизма... но только не христианство. В этом отвращении от христианства есть что-то странное и таинственное. Особенно охотно человек нашей эпохи становится пантеистом... Пантеизм и пантеистическая мистика уживается и с позитивизмом, и с атеизмом, и с марксизмом, и с любым учением современности"¹⁶.

Уживаться-то уживается, но почему в интонациях Бердяева слышны тревожные ноты?

Говоря о таинственном отвращении своих современников к христианству, Бердяев прибегает к риторическому приему. Уже в следующем параграфе он не оставляет от тайны камня на камне: "Современный человек думает, что при пантеизме сохраняется его личность, за человечеством признается огромное значение, свобода, как и прочие хорошие вещи, остается при нем, а вот при христианстве и личность поработается, и свобода исчезает, и человечество унижено. Какая странная aberrация! В действительности все как

¹⁵ Buber M. *Hassidism*. Philosophical Library. N. Y., 1948, p. 134.

¹⁶ Бердяев Н. Собр. соч. Т. 3. Paris, "YMCA-Press", 1989, стр. 327.

раз наоборот... Пантеизм окончательно упраздняет и личность, и свободу, и человечество, растворяя все окончательно в мировой жизни, и незаметно переходит в натурализм и материализм"¹⁷.

Однако подобные богословские претензии к пантеизму не новость, за сто лет до Бердяева их высказывал Ф. Шлегель, увлекшийся Востоком, но со временем ставший добропорядочным католиком.

Упразднение личности и свободы, о котором предупреждал русский философ, случилось только тогда, когда неоязыческий миф стал компонентом массовой идеологии. Пластичность мифа сменилась рациональной жесткостью, на первый план были выведены те его черты, которые служили конечной цели. Но цель оставалась иррациональной — абсолютная власть, а потому и обслуживающий ее рационализм иначе как взбесившимся не назовешь. История сыграла с неоязычеством злую шутку. То, что начиналось как освобождение от ига технической цивилизации, само превратилось в технику управления массами — инструмент, обслуживающий волю к власти. У немцев это произошло открыто, у нас — за сценой, на которой разыгрывалось всенародное действо под названием "строительство социализма".

В Германии религиозное народничество, "рационализировавшись" в нацизм, органично слилось с этатистской идеей Третьего рейха, который и употребил мощную государственную машину для достижения идеала расовой чистоты. У нас верх взял марксизм, и обожествление народа как единого племени не состоялось. И все же языческие мифологемы прорвались в "научное мировоззрение" и обожествлены были его главные оракулы. От их имени и работал мощный рычаг государственного насилия. Видимо, мировоззрение оказалось не совсем научным. Да и может ли наука в одиночку защитить человечество от рецидивов варварства?

Гитлер и Сталин придерживались разной техники камлания, но сцементированное пропагандой и террором народное тело отвечало на призывы вождей именно то, что они хотели услышать. Хождение язычества во власть обернулось самой жуткой трагедией двадцатого столетия.

Ведовство

Покуда немцы украшали языческой символикой свои штандарты, европейские и американские антропологи спустились наконец с университетских кафедр и отправились на полевые исследования племен, сохранивших свои языческие верования. В Австралии, Африке и Полинезии ученые открывали сокровища туземных мифов и ритуалов, поражающие их своей сложностью и изысканностью¹⁸. Секуляризирующийся Запад с удивлением замечал, что так называемые первобытные народы не только сохранили свои верования, но и вполне счастливо существуют в своем гармоничном мире. Да, иногда им приходится несладко: неурожай, голод, войны, — но цивилизованное вмешательство извне оборачивается еще худшими бедами — алкоголизмом и вырождением. Следовательно, надо во что бы то ни стало помочь им сохранить свою уникальную культуру. Б. Малиновский, А.-Р. Радклифф-Браун, К. Леви-Строс, М. Элиаде издают великолепные монографии, в которых анализируют верования туземцев. В их работах ощущается авторское убеждение, что по своей изощренности верования эти ничем не уступают религиям цивилизованного мира, а может, в чем-то и превосходят их.

Падение Третьего рейха с его мифом арийского превосходства еще более усиливает эти настроения среди европейской интеллигенции. Нет никакого превосходства: языческие верования — это единое общечеловеческое прошлое, надо относиться к нему с уважением и развивать науки, помогающие проникнуть в его тайны.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Андреев Игорь. В джунглях прапамяти. — "Новый мир", 1999, № 3. (Примеч. ред.)

Но в тайны хочется проникнуть скорее, чем это позволяют изматывающие исследования. Данные науки вновь попадают на жернова мифологической мельницы, и неоязычество предстает перед нами новыми гранями.

...Незадолго до Первой мировой войны в Великобританию возвращается после колониальной службы Джеральд Б. Гарднер. Этнограф-любитель, он собрал в Малайзии много всяких интересных магических обрядов. На родине он тоже поспешил вступить в фольклорное общество. Коллеги-фольклористы относились к нему неплохо, он обладал обширными, хотя и довольно путанными знаниями в области этнографии. Правда, некоторые его побаивались, этот эксцентричный джентльмен любил приносить на заседания общества огромные туземные кинжалы, и глаза его при этом странно блестели. В один прекрасный день Гарднер объявил коллегам, что ему удалось обнаружить на южном побережье Англии, недалеко от собственного дома, настоящих ведуний, которые многие века сохраняли в тайне свое нелегкое искусство. Коллеги, тоже жившие неподалеку, сравнили свои записи, ничего не обнаружили и объявили его фантазером¹⁹.

Не найдя поддержки у коллег, Гарднер ничуть не расстроился и начал практиковать таинственные обряды у себя дома. В этом ему помогали две интеллигентные дамы, одна из них, Долорес Норт, стала впоследствии вести колонку в оккультном журнале, и друг-романист Л. Уилкинсон. Основной акцент делался на сакральных аспектах секса. В 1954 году Гарднер выпустил в свет книгу "Колдовство сегодня", которая стала библией самой известной неоязыческой религии англоговорящих стран — Викки.

Викка (сам Гарднер предпочитал писать это слово с одним "к", утверждая, что оно однокоренное со словом "wisdom" — мудрость) — это кельтское "белое" ведовство. По словам Гарднера, он получил посвящение в его тайны от последних живых представительниц этого древнего ремесла. Ученые, проанализировав его труды, пришли к выводу, что они представляют собой синтез сведений, почерпнутых Гарднером из книги египтолога Маргарет Мюррей "Колдовской культ в Западной Европе" (1921) и ряда других книг на эту тему, а также его собственных наблюдений над магическими обрядами в Юго-Восточной Азии.

Работа Мюррей в свое время повлияла на творческую интеллигенцию Британии (поэта Роберта Грейвса она вдохновила на книгу "Белая богиня"), но вызвала раздражение ученых, которые раскритиковали и научные методы авторши, и склонность к ненаучному фантазированию. Однако Мирча Элиаде, солидаризируясь с мнением коллег, все же отмечал, что в главном тезисе Мюррей была доля истины. В Западной Европе действительно существовал языческий культ плодородия, связанный с Великой богиней, остатки которого были интерпретированы инквизицией как колдовство. Эта гипотеза впоследствии получила подтверждение и во вполне добротных исследованиях итальянского средневековья Карло Гинсбурга.

Что касается обстоятельств посвящения Гарднера, то тут мнения ученых расходятся. Одни полагают, что это чистый вымысел, поскольку последний из известных историкам ведунов, Джордж Пикингилл, умер в 1909 году. Другие считают, что Гарднер все же мог выкопать где-нибудь в глуши неких древних старушек, которые остались не замеченными его коллегами-фольклористами, но вряд ли они могли сообщить то, о чем он поведал в своей книге.

На первый взгляд, синтез Гарднера мало чем отличается от неоязыческих реконструкций начала века. Во всяком случае, стоящие за ним мотивации примерно те же: потребность освободиться от репрессивных механизмов культуры и вернуться на лоно природы (ритуалы совершаются обнаженными участниками в какой-нибудь священной роще). Однако имеются и новые элементы. Это прежде всего добавление к мистериальным мотивам магических приемов, причем не только восстановленных по

---

¹⁹ Baker James W. White Witches: Historic Fact and Romantic Fantasy". — In "Magical Religion and Modern Witchcraft", ed. James R. Lewis. Albany, 1996, p. 184 — 185.

книжкам, но и заимствованных из реальной магической практики Азии, где она сохранилась гораздо лучше, чем в Европе.

Правда, азиатский материал стыдливо подается в качестве исконно кельтского, но его уже не страшно применять. Кроме того, миф и ритуал разработаны столь подробно, что их уже вполне хватает на самостоятельную религию. И главное, в этой религии равную, если не большую роль начинают играть женщины. Великая богиня, открытая Маргарет Мюррей, вновь обрела своих верных жриц.

Шаман как контркультурный герой

Но прежде чем Вика смогла из элитной забавы британского либертария превратиться в первую самостоятельную неоязыческую религию двадцатого века (только в Америке число ее сторонников исчисляется ныне сотнями тысяч), неоязыческий миф должен был вновь овладеть массами. Это и произошло в шестидесятые, когда обширное поколение детей, родившихся после Второй мировой, достаточно подросло, чтобы массовым порядком противопоставить себя поколению родителей.

Таким образом, неоязыческие пристрастия современной российской молодежи, которые отличают ее от поколения отцов, — это не диковинный выверт отечественной истории, а проявление общей тенденции, правда с запозданием на четверть века. Но догоняем мы, как водится, семимильными шагами.

Основным врагом поколения контркультуры стала не просто техническая цивилизация, которая напугала их дедов, а технократия, понимаемая как власть спецов над одуроченным народом.

В писаниях теоретиков контркультуры эта власть приобретает характер зловещего заговора науки и техники против современного человечества. Теодор Розак вводит пугающий термин "технократический тоталитаризм". Это почти совершенный механизм отчуждения человека от мира, и неоязыческий миф становится чуть ли не главным орудием антитоталитарной борьбы.

Образ шамана — один из символов контркультуры. Теодор Розак в своей книге "Создание контркультуры", вышедшей в 1969 году (отдельные главы появились годом раньше в журнале "Нейшн"), посвящает шаману что-то вроде гимна. Начинает он с перечисления научных исследований, которые открыли ему глаза на уникальность и величие шаманского опыта. Список открывает Мирча Элиаде, чья превосходная французская монография "Шаманизм. Архаическая техника экстаза" стала доступна англоязычному читателю в 1964 году. Закрывает Карлос Кастанеда с его ныне известным всему миру индейским колдуном доном Хуаном. Кастанеда вызывает у автора наибольшее восхищение. Первая книжка о благородном доне, вышедшая в 1968 году, еще сохраняла внешние атрибуты антропологического исследования (в конце даже прилагался научный аппарат). Многотомный миф возник позднее. Но Розак словно предчувствует его возникновение.

Экстаз шамана видится Розаку как единственно адекватное восприятие мира. Это живой мир, населенный духами, с которыми возможно личное общение. Как прекрасно обратиться к ветру или дереву на "ты"! Как далеко это от разлагающего природу на атомы взгляда технократа! Единственный способ борьбы с последним — революция, но не тривиальная политическая, а преобразующая само восприятие реальности. Вспоминаются поиски революционной гносеологии Андреем Белым, которые привели его от Канта к Штайнеру. Впрочем, русские тени возникают и перед самим автором, но об этом чуть ниже.

Итак, борьба, но борьба особая. Ведь технократ — это тоже колдун, но колдун плохой, он не делится своим магическим знанием с массами, а использует его для овладения ими. Современная наука — элитный и эзотерический механизм подавления и манипуляций. Истинный шаман, напротив, добр, его визионерство открыто для

соплеменников. Он включает их в свой транс и помогает счастливо жить среди живой природы. Его примеру и должна следовать контркультурная молодежь, осуществляя эгалитарную революцию духа. "Странные юноши и девушки с коровьими колокольчиками и первобытными талисманами, которые собираются в общественных парках и пустынях для того, чтобы устраивать невероятные церемонии, на самом деле хотят спасти демократию от культуры специалистов. Они возвращают нам образ палеолитического племени, оно, совершая священные ритуалы, находилось в состоянии грубого равенства, которое предшествовало государству, классу и статусу. Это поистине диковинный радикализм, который обращается за вдохновением к доисторическим прецедентам"²⁰.

Но подобное обращение, по мнению Розака, тоже не беспрецедентно. Не позаимствовал ли князь Кропоткин свои антиэтатистские анархические принципы коллективной взаимовыручки от крестьян и кочевников, которые в своем развитии недалеко ушли от неолита и палеолита?

Действительно, антигосударственный, эгалитарный пафос контркультуры роднит ее с русским народничеством. Но в глазах последнего крестьяне все же прошли достаточный путь от неолита, чтобы превратиться в русский народ. По Розаку же, технократию должно одолеть коллективное прошлое всего человечества, а не отдельный, пусть и обожествленный, народ. Неоязыческий миф сохраняет антиавторитарный, демократический импульс, но, укоренившись в общеязыческом прошлом, радикально денационализируется.

...Американские хиппи отличались от русских интеллигентов начала века еще и вот чем. Если тех архаические техники экстаза типа хлыстовских радений все же отпугивали, хиппи стали практиковать их весьма охотно, да еще с применением психоделиков. Причем если индейцы в шаманских ритуалах использовали сок кактуса пейот, то их контркультурные адепты прибегали к гораздо более мощному ЛСД, синтезированному в новейших лабораториях. Языческая древность и современность встретились вновь, на этот раз — в лабиринтах экстатического опыта.

Любопытно, что шаманской практикой увлеклись и некоторые ученые-антропологи. Проводя полевые исследования, они прибегали к методу наблюдения-участия, и последнее перевесило первое. Я имею в виду даже не Кастанеду, у которого бесконечное писание бестселлеров не оставляло времени на камлание, а людей типа Майкла Харнера, который совмещает преподавание антропологии в одном из нью-йоркских колледжей с ведением кружков по шаманизму.

Недавно одна его русская ученица в красочном уборе из перьев исполнила шаманский ритуал на отечественном телеэкране. Харнера же, насколько мне известно, на общенациональные телеканалы не пускают. Мы вновь спешим опередить Америку.

Правда, у белых шаманов стали возникать трения с шаманами натуральными. Вначале те — как и русские хлысты Александра Блока и Зинаиду Гиппиус — приглашали покамлать в свои резервации интеллигенцию. Но желающих оказалось так много, что индейцы перепугались. В 1996 году "Нью-Йорк таймс" опубликовала статью, где приводились lamentации краснокожих шаманов: вначале белые отняли у нас землю, а теперь вознамерились отнять и религию.

Мультикультурализм, хоть имя дико...

Ушли в прошлое времена контркультуры, но, как видим, ее ценности отнюдь не исчезли. Они органично вошли в культурный мейнстрим, правда подрастеряв при этом свое бунтарство. Неоязычество из революционного оружия вновь превратилось в клапан для выпуска пара. Вспоминается Бердяев: пантеизм действительно легко уживается с любым современным мировоззрением. Вот и в массовой культуре он становится одним из

---

²⁰ Roszak Theodor. The Making of a Counter Culture. N. Y., "Anchor Books", 1969, p.265.

способов интеллигентной релаксации, позволяющих на некоторое время сбросить с себя надоевшую социальную роль. Причем сбросить основательно, вместе с одеждой! В некоторых это вселяет надежды и на большее.

...Героиня замечательного фильма Антониони "Затмение" мучается своим отчуждением от мира. Кинометафора стеклянной перегородки, отделяющей ее от мужчины, которого она хотела бы, но не может полюбить, получила всемирное признание. Может быть, попробовать разбить стекло африканским копьем? Знойная языческая пляска обнаженной героини впечатляет зрителей, но, видимо, не ее саму. Я хотела бы тебя совсем не любить или любить больше, чем сейчас, говорит она герою. Впечатляющее признание собственной теплоты ("Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих" — Откр. 3: 16), от которой, увы, не спасает и горячий ритуал.

Но нынешние последовательницы героини фильма Антониони вновь и вновь отправляются в священные рощи Уэльса или Калифорнии, чтобы избавиться от стеклянной перегородки. В нашем резко континентальном климате они предпочитают побережье Черного моря под Геленджиком.

Другое наследие контркультуры — эгалитарное уравнивание всех культурных и религиозных форм — тоже стало менее вызывающим и выступает теперь в виде философии мультикультурализма. Политическая корректность должна быть во всем. Американский индеец имеет такие же права на отправление своего религиозного культа, как и белый протестант. Это по конституции. Следующий шаг — их религии, в сущности, не отличаются друг от друга. Еще один шаг — и мы имеем унитаристскую семинарию, где открыт факультет для поклонниц и поклонников Ремесла, как все чаще называют Викку в Америке. Возможно, по аналогии с масонством.

А по другую сторону баррикады надрываются евангелисты-фундаменталисты, требующие извести всемирный заговор сатанизма. Лозунги эти охотно подхватываются и на наших берегах.

Если Гарднер еще не обнажал общеязыческие корни Викки, то его последователи, особенно в Америке, делают это с видимым удовольствием. Ортодоксального гарднерианства практически не существует. Хорошо образованные ведуны и ведуньи вполне отдают себе отчет, что отец основатель создал искусственный синтез, а не позаимствовал его у малограмотных старушек. Исторические филиации идей им знакомы (университетское образование есть практически у всех), но неинтересны. От гнета истории тоже следует освободиться, а сделать это лучше всего с помощью сознательного мифотворчества. Причем подлинность мифа определяется только его эффективностью (это уже далеко от эстетизма Вячеслава Иванова).

Каждая группа (ее по традиции продолжают именовать "шабашем") имеет свой набор мифологем, заимствованный практически из всех культур и времен. Ритуалы тоже предельно синкретичны: африканский и американский шаманизм могут соседствовать со сложными реконструкциями эллинистических мистерий. Восточный материал заимствуется в основном из тантризма, хотя сексуальная магия во многих "шабашах" заменяется символическими элементами. Вероятно, это связано с тем, что Викка, теряя свой контркультурный облик, начинает играть заметную роль в общественной жизни. Это объясняется тем, что она все чаще выступает заодно с новыми силами, которые поощряет и поддерживает философия мультикультурализма.

Союзники

Прежде всего это феминистская субкультура. Образ Великой Богини, завещанный Гарднером, обрастает все новыми богословскими подробностями. Основной пафос феминизма — освобождение от патриархального наследия западной традиции (в том числе и в религиозном ее аспекте) — вполне резонирует с освободительными

настроениями неоязычества. Официальное христианское и иудейское богословие уделяет не слишком много внимания женским образам божества (из наиболее известных мне католических богословов этим занимается разве что Эндрю Крили, да и то не в собственно теологических работах, а в романах). Теологи-феминистки черпают вдохновение в основном в индуизме и буддизме, но не проходят мимо и собственно неоязыческих изысканий.

Другой союзник — экологизм. Союз этот более чем естественен. Неоязычество изначально призывало к освобождению и сакрализации природы. Один из упреков его к технической цивилизации как раз и заключался в том, что она "расколдовала" и подавила природу, лишив ее высшего смысла. Уже тогда по этому поводу высказывались и некоторые претензии христианству. В контркультурные времена они были подхвачены историком Линном Уайтом, который опубликовал во влиятельном журнале "Сайенс" (март 1967 года) статью "Исторические корни нашего экологического кризиса", где попытался связать хищническое отношение к природе с христианским наследием. Статья вызвала бурную дискуссию, и ряд христианских богословов попытались развить теологию природы, преуспев в этом направлении больше, чем в ответах на феминистский вызов.

Но неоязычество продолжает играть заметную роль в идейном обслуживании экологического движения. Более того, начинается формирование политического союза с зелеными, к требованиям которых уже давно прислушивается демократическая партия США и немецкие социал-демократы. Можно ожидать, что скоро в США голоса неоязычников станут различимы в предвыборной платформе демократической партии (как уже различимы там голоса New Age). С германскими социал-демократами это вряд ли произойдет, поскольку в стране еще сильны воспоминания о неоязыческих связях нацизма.

И наконец, еще одним заметным союзником неоязычества становятся голубая и розовая субкультуры. Сам Гарднер, как и многие британцы его поколения, был гомофобом (тем более, что Итона не кончал). Это заметно в его писаниях. Нынешние ведуньи и ведуны более терпимы и принимают в свои ряды тех, кто по причине своей сексуальной ориентации не могут найти себе места в официальных церквах, то есть тоже попадают, по их мнению, под молот культурной репрессии. Пафос освобождения придает им дополнительную энергию. Некоторые даже делают неоязыческую карьеру. Президентом общенационального Соглашения Богини в 1986 — 1987 годах был Майкл Торн, возглавлявший "шабаш" в Нью-Йорке, целиком состоящий из мужчин-гомосексуалистов.

Дела российские

Проследив историю неоязычества на протяжении последних столетий, мы не можем не поразиться одновременно его переменчивости и верности себе. В этом смысле оно подобно греческому богу Протею, кстати, популярному персонажу в этой среде. Верность себе объясняется тем, что в основе неоязычества лежит универсальный принцип освобождения от любых форм цивилизационного гнета. Переменчивость же оттого, что форм этих великое множество. В разных национальных культурах и на разных этапах исторического развития неоязычество отвечает все на новые и новые вопли о помощи утомленных культурой и историей людей. На этом пути оно встречается с национализмом и космополитизмом, этатизмом и анархизмом, тоталитарными идеологиями и их врагами, элитарностью и массовой культурой — список можно продолжить.

Естественно, что, встречаясь со столь разными вещами, оно решает разные задачи, поворачиваясь к нам все новыми и новыми гранями. Но способ решения этих задач один и тот же. Противоречия, которые мучают придавленных современностью людей, примиряются в непротиворечивом пространстве мифа.

Я далек от того, чтобы объявить это примирение иллюзией. Мощная сила того, что исламовед Анри Корбен назвал в свое время *mundus imaginalis*, известна любому историку

религии. С равным, если не большим успехом можно объявить иллюзией реальный мир, что и делают индусы. Другое дело, что степень реальности неоязыческого мифа зависит от силы воображения. Если у русских и немецких теургов начала века ее было даже больше, чем нужно, то у нынешних их собратьев по Ремеслу (я имею в виду Викку) ее маловато и хватает разве что на удовлетворение собственных психологических нужд. Недостаток воображения компенсируется мощными техниками экстаза. Кого-то это, может быть, и выталкивает за пределы собственной психики. Непонятно только — куда?

Спустимся теперь с небес на нашу российскую землю. Социологические данные о распространении языческих верований в стране, особенно среди молодежи, приведенные в начале статьи, впечатляют. Однако следует помнить, что вера в порчу, колдовство и дурной глаз — это нечто весьма аморфное, граничащее с бытовыми суевериями. А что можно сказать о более конкретных неоязыческих пристрастиях? К сожалению, детальные опросы на эту тему, насколько мне известно, в стране не проводились. Поэтому говорить можно лишь об общих тенденциях, отмечаемых религиоведами, культурологами и этнологами.

Попробуем порассуждать об этом, взяв за точку отсчета следующую проблему. По какому пути пойдет у нас неоязычество — западническому или расистскому? Казалось бы, последнее сомнительно, учитывая исторический опыт. Но учат ли чему-нибудь уроки истории? По мнению В. Шнирельмана, в российском неоязычестве преобладают этнонационалистические и этатистские настроения. Арийский миф получает второе рождение на российской почве, но это лишь новая редакция старой мечты о могучем государстве. Единственная разница в том, что теперь жидомасонскому заговору противостоят арийцы-славяне. Эта линия берет верх над неоязычеством феминистским и экологическим. Вместе с тем ученый отмечает и маргинальность этого явления. На периферию культуры его выталкивает антиправославная настроенность, хотя она все чаще сменяется попытками найти общий язык с православием²¹.

Добавлю, что криптоязыческие тенденции, имеющиеся внутри православного фундаментализма, делают такой союз теоретически возможным. Хотя эти ребята и поклоняются Перуну, но ведь свои — русаки. Да и Перун, чай, не Будда какой! Главное, чтоб держава крепла. Поэтому нельзя исключить создания идеологии, в которой на почве совместного этатизма и крайнего национализма диковинно переплетутся взаимоисключающие взгляды. Ведь именно на этой почве, например, примирились православные фундаменталисты с неокommунистами. Но хочется надеяться, что такой сценарий маловероятен.

Еще одна очевидная тенденция — попытки славянских неоязычников расширить свою мифологическую платформу за счет отождествлений древнеславянских божеств с богами Востока (в основном индийскими). В этом нет ничего нового. О поисках арийской общности немцами — и в меньшей степени россиянами — еще сто лет назад писалось выше. Любопытна лишь реакция на эти попытки со стороны неовосточных групп. Судя по всему, московские шиваиты не имеют ничего против отождествления Шивы с Родом и Велесом, хотя протодравидское происхождение Шивы, казалось бы, должно было в данном случае противодействовать поискам арийской общности. Что касается кришнаитов, то они не возражают против попыток отыскать единую древневедийскую цивилизацию в Зауралье (это придает им дополнительную легитимность в России), но резко выступают против расистских спекуляций В. Данилова по поводу "ведического социализма" и борьбы арийцев с "масонским мировым капиталом".

Мне, повторяю, приходится иметь дело в основном с университетской молодежью, и должен сказать, что в этой среде как раз западнический вариант неоязычества имеет гораздо большие перспективы. Это и празднование Хэллоуина, и разгадывание германских рун, и увлечение заморским ведовством. Любители импортного неоязычества с провинциальной неуклюжестью заимствуют все новые и новые его формы. Поток

---

²¹ Шнирельман В. Второе пришествие арийского мифа. — "Восток", 1998, № 1.

переводной литературы не ослабевает. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти в любой крупный книжный магазин. Растет число русифицированных адаптаций вроде упоминавшейся уже серии об Анастасии. Импортный неошаманизм кастанедовского толка вступает в рискованные синтезы с шаманизмом российским, возрождение которого отмечается в ряде национальных автономий. Столичные барышни камлают по телевизору, попутно разгадывая рунические головоломки.

Эти контркультурные забавы носят у нас, как водится, достаточно культурный характер. На недавней школьной олимпиаде молодые участники запросто читали рунические письма, на что вряд ли окажутся способны их британские однокашники.

Смычка неоязычества с экологическими заботами у нас тоже проявляет себя весьма очевидно. В начале статьи уже говорилось о том, что она наличествует и у поклонников чистоты славянской расы. Остается только надеяться, что мечта о чистоте природы выйдет у них на первый план и отодвинет в сторону мечту о чистоте крови.

Среди отечественных феминисток и сексуальных меньшинств неоязыческие пристрастия пока малозаметны. Я полагаю, это объясняется тем, что они не нуждаются в религиозной легитимации своего образа жизни (что, в общем-то, косвенно свидетельствует о довольно высокой степени религиозного безразличия в нашей стране).

Использование языческой символики (в том числе германской) в субкультуре тяжелого рока пугает мое поколение, но самих рокеров, похоже, веселит. Настроение не совсем подходящее для нацистских экзерсисов в том виде, как мы их понимаем. Могут тотальные насмешники вырасти в тотальных ненавистников? Не знаю. Однако проявления в этой среде радикальных политических взглядов мне неизвестны (за исключением рок-идола "Паука"). Использование психоделиков в целом не связывается с достижением религиозного экстаза.

Смена пластинки вероятно лишь при углублении духовных интересов. В каком направлении оно может пойти, сказать трудно, все это слишком индивидуально. Ясно только, что обвинения в сатанизме вряд ли направят его в нужное русло. Скорее наоборот — могут подтолкнуть к опасным экспериментам. Не стоит забывать, что уже упоминавшийся мною Алистер Кроули, популярность которого среди молодежи достаточно велика, вырос в семье членов секты "Плимутских братьев". В свое время его предки-пуритане немало поохотились на ведьм. Юность — это возмездие (Генрик Ибсен).

Еще одна немаловажная сторона отечественного неоязычества — колдовское целительство. В прикладном порядке оно может использоваться и расистами и западниками для демонстрации верности своего учения. Но по-настоящему массовое распространение имеют те его формы, где идеология вытеснена прагматикой. За здоровьем будут обращаться и к Велесу, и к Диан Кехту, лишь бы помогли. А поскольку обслуживать такой спрос — дело доходное, то предложение будет расти и — через рекламу (в том числе и на телевидении) — увеличивать спрос. Единственная, кажется, сфера, где рыночный механизм работает у нас как положено. Если когда-нибудь в нашей стране наладится система здравоохранения, целительство локализуется в своей нише и сменит название. Если сейчас оно именуется традиционным, то со временем будет именоваться нетрадиционным, как на Западе, где оно сосуществует с крепкой традицией нормальной медицины.

Что касается неоязычества ряда поволжских и сибирских российских автономий, то это весьма любопытное явление выходит за рамки данной работы. Позволю себе лишь одно замечание. Там, где неоязыческие реконструкции местных интеллигентов претендуют на государственный статус или уже получили его, как в Туве, слишком слабы обе составляющие — и шаманская, и государственная. Для национализма этого, может, и достаточно, а вот для сепаратизма — вряд ли.

Москва. Декабрь 1998.

"Новый Мир", №8, 1999